

УДК 316.42 (045)

С.П. Харченко

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИСКУРС

Кировоградский государственный педагогический университет имени В.В. Винниченко

Анотация.** В статье проводится социально-философский анализ специфики философско-правового дискурса в контексте межкультурного взаимодействия.Ключевые слова:** мораль, право, межкультурный правовой дискурс.**Вступление**

Философия права является одной из наиболее значимых плоскостей современной социальной философии. В последнее время, вследствие расхождения под иным углом зрения таких универсальных категорий, как «человек», «общество», «свобода», «мораль», философско-правовая проблематика актуализируется и существенно пополняет свой понятийно-категориальный аппарат. Современный мир отображает различные тенденции, которые не только кардинальным образом меняют людей и общество, но и влияют на их базовые отношения, нравственные принципы. Это требует переосмысления с точки зрения развития философско-правового дискурса.

Целью исследования является социально-философский анализ межкультурного философско-правового и политико-правового дискурса.

Постановка проблемы

В своем исследовании мы, в основном, попытаемся по-новому взглянуть на классические традиции теории государства и права, которую разработали философы Нового времени Г. Гроций, Т. Гоббс, Дж. Локк, Р. Декарт, Б. Спиноза и другие. Кроме того, наиболее значимой при интерпретации философских концептов права, свободы и справедливости является работа Г. Кельзена «Чистое право». Эта работа имеет особую ценность, поскольку является философским трактатом. В противовес сложившемуся в современном обществе мнению относительно несущественности философских подходов к осмыслению сущности права, в нем представлена концептуально иная позиция. Это дало нам возможность реинкарнировать существующие философско-правовые традиции в дискурсе социальной философии.

Основная часть

Права и свободы человека являются такими ценностями, которые не только на протяжении столетий оставались неизменными как универсальные ценности, но которые и сегодня остаются онтологически, гносеологически и аксиологически значимыми. В то же время вырисовывается новая дилемма. Тезисы о гуманизме и справедливости, которые декларируются многими общественными деятелями, деятелями культуры, политиками и другими публичными людьми в медиа-пространстве, свидетельствуют о том, что человечество все еще стремится построить справедливое общество. Так или иначе, их содержание и смысл не вызывают сомнений. Однако они не всегда совпадают с реальными процессами создания правового государства, причем как в развитых, так и в переходных обществах.

Их политико-правовые институты под воздействием глобализации активно перестраиваются, затрагивая традиционные общественные отношения. Не всегда новые формы государственности способны выживать в условиях меняющегося мира.

Подчеркнем, что в какой-то мере ключевые нормативно-правовые каноны европейского гражданского сообщества также приходится постоянно пересматривать из-за того, что оно перманентно сталкивается с новыми рисками извне, связанными с тектоническими потоками мигрантов из стран Ближнего Востока и Африки. Таким образом, права и свободы этих «новых граждан» могут быть ограничены в зависимости от складывающейся ситуации и ужесточающихся правил миграционной политики стран Запада. Кроме того, нередко сами мигранты не желают ассимилироваться в Европейском пространстве, они пытаются жить там по своим собственным правилам и законам, привнеся собственные ценности.

Современный глобальный экономический рынок также создает особые правила для всех. Роль различных участников международного экономического диалога в плане политическом, экономическом, культурном, правовом – неодинакова, а ставки на мировом сырьевом рынке – несимметричны. В условиях рыночных отношений и жесткой конкуренции правовые условия для большинства развивающихся стран являются крайне «размытыми» и несправедливыми. Их права и свободы нивелируются под давлением более сильных оппонентов. Р. Макконнелл, Л. Брю определяют рынок как всякий институт или механизм, который сводит вместе покупателей (или предъявителей спроса) и продавцов (или поставщиков) конкретного товара или конкретной услуги [1, с. 24]. Вообще «рынок» – это система отношений добровольного обмена между покупателями (потребителями) и продавцами (производителями, предпринимателями), основанная на использовании денег и обеспечивающая эффективное решение любых экономических проблем. Понятия «рынок» и «товар» не могут существовать друг без друга. Без товара не может быть рынка, а без рынка не может быть товара. «Рынок» имеет не только качественные, но и количественные характеристики [2, с. 281]. Таким образом, современные рыночные отношения исключают такие базовые нравственные понятия, как «честь», «справедливость», «порядочность», «доверие», поскольку рынок переводит их в плоскость товарно-денежных отношений.

Недаром в своей книге «Нищета философии» К.Маркс говорил о том, что пришло время, когда все, на что люди привыкли смотреть, как на неотчуждаемое, сделалось предметом обмена и торговли

и стало отчуждаемым. Это – время, когда даже то, что дотоле передавалось, но никогда не обменивалось, дарилось, но никогда не продавалось, приобреталось, но никогда не покупалось, – добродетель, любовь, убеждение, знание, совесть и т. д., – когда все, наконец, стало предметом торговли [3, с. 7-8]. Он фактически предупреждал о том, что человек как духовная и нравственная субстанция не может существовать в таких условиях.

Конечно же, если рассматривать категории «справедливость», «свобода», «мораль», «закон» в философском смысле слова, то они представляются нам бесконечно абстрактными. Существование же в любом государстве прав и свобод на практике предусматривает наличие такого механизма, управления, который обеспечивает порядок и регулирует все общественные отношения. То есть мирное сосуществование людей возможно при условии внедрения некоего естественного принципа согласия. Если этот принцип сознательно нарушается, то меняется «естественный образ жизни людей» в обществе. В этом случае человек утрачивает моральное кредо – лучшее в истории развития личности человеческое приобретение – и копирует законы природы в том смысле, в котором Т. Гоббс считал, что «человек человеку – волк». Несоблюдение моральных императивов ставит под сомнение проблему легитимности законов права как таковых. В этом контексте согласимся с мнением М. Тура, который под легитимностью понимает определенный процесс (стратегию) приобретения или наполнение легитимностью социальных институтов. По его мнению, в легитимационном процессе можно выделить ценностно-нормативный аспект. Поскольку концепт легитимации касается субъективной стороны легитимационного процесса, то легитимация как стратегия и деятельность всегда происходит в определенном нормативном поле. Отсюда она больше ориентируется на нормы, которые выражают деонтологическое измерение. Легитимность отражает объективную сторону легитимационного процесса, его результат, поэтому она имеет качественную определенность в когнитивно-ценностном аспекте [4, с. 11]. Можно уже сейчас наблюдать, как меняются принципы построения семьи и общественной жизни в Европе, переживать последствия отчуждения Запада от Востока, который не принимает и не понимает таких традиций.

Большинство других ярких представителей Нового времени, разрабатывая концепцию естественного права и общественного договора, которая стала базисом для современной теории государства и права, в своих работах показали, что люди сознательно заключили договор относительно паритета в сфере всех общественных отношений. Таким образом, они на протяжении веков сохраняли равновесие в общественной жизни, делая ее все более эффективной.

Например, Б. Спиноза обращал внимание на то, что естественное право каждого человека определяется не здравым смыслом, а желанием (*cupiditas*) и потенцией. Ведь не все от природы предназначены к деятельности согласно с правилами и законами разума, но, наоборот, все рож-

даются, ничего не зная, и проходит большая часть жизни, прежде чем они познают истинный способ жизни и приобретут навыки добропорядочности, несмотря на то, что они могут быть хорошо воспитанными. В то же время они еще обязаны жить и сохранять себя, пока у них есть сила, руководствуясь только зовом желания, поскольку их природа им ничего другого не дала и отказала в настоящей возможности жить согласно здравому смыслу. И поэтому они обязаны жить по законам здравого смысла не более, чем кошка – по законам львиной природы [5, с. 169]. Это значит, что даже если человек рожден в другой системе ценностей и является носителем определенной культуры, все равно он должен суметь «стать предназначенным (пригодным) к деятельности согласно с правилами и законами другой культуры, государства», то есть он должен сознательно над собой работать.

Г. Гегель также подчеркивал, что существуют два вида законов: законы природы и законы права; законы природы абсолютны и являются таковыми, какими они есть, – они не устаревают, хотя в отдельных случаях могут быть нарушены. Если бы можно было знать, что обозначают законы природы? Мы обязаны их изучать, поскольку эти законы истинны; лишь наши представления о них могут быть ложными. Масштаб этих законов лежит вне нас, и наше познание ничего не прибавляет к ним, не меняет их, мы можем лишь расширять собственные знания об этих законах. Знание права, с одной стороны, имеет такую же природу, а с другой стороны, – нет. Мы также изучаем эти законы, воспринимая их как абсолют, примерно так ведет себя простой гражданин и подобным же образом – позитивный юрист. Но отличие состоит в том, что при рассмотрении правовых законов дух наблюдения стоит выше них, и уже само различие этих законов указывает на то, что они не являются абсолютными. Правовые же законы насаждены людьми и традиционны [6, с. 7-8]. Г. Гегель подтверждает, что правовые законы – это также своего рода традиции. Традиции абсорбируются представителями различных культур на уровне бессознательного и хранятся в их культурных архетипах. Как правило, они остаются относительно неизменными. Примерами могут служить законы Дао, конфуцианские принципы. На Востоке правовые законы являются копиями небесных. В Европе же универсальные божественные законы присутствуют в различных священных писаниях.

При рассмотрении правовых законов оказывается, что гегелевский «дух наблюдения стоит выше них», а это значит, что меняется лишь наша интерпретация этих законов. Г. Кельзен в связи с этим справедливо утверждает, что когда норма определяет определенное поведение как обязательное (то есть такое, которое осуществляется благодаря приказу), фактически поведение может отвечать норме или противоречить ей. Поведение отвечает норме, если она является такой, которой должна быть согласно норме; она противоречит норме, если не является такой, которой должна быть согласно норме, ведь в этом случае она будет противоположной такому поведению, которое отвечает норме [7, с. 27]. На практике необходимо, как

утверждалось вище, непрерывно «подгонять части к целому», то есть усовершенствовать законодательную базу и общественные нормативы. А это – серьезная и сложная работа, требующая колоссальных усилий, особенно в сфере международного права. По мнению Э. Тугендгата, следует признать, что такие вещи, как права не могут быть естественными, когда речь идет о природных правах, о том, что они врожденные, это имеет лишь метафорический смысл. Права человека, как и все права вообще, являются приобретенными, и утверждение о том, что они существуют, имеют тот смысл, что их приобретение есть частью легитимного государственного устройства. Тезис об их универсальности может также иметь единый смысл: каждое государственное устройство, в котором они отсутствуют, то есть в котором оно не предоставляет их своим гражданам, не может рассматриваться как легитимное [8, с. 48]. Таким образом, человек сознательно принимает тот факт, что существуют различные формы конструктивного принуждения. Введение социальных норм и правил поведения, на первый взгляд, ограничивает индивидуальную свободу личности, но вместе с тем, как выясняется, общество порождает иные свободы и блага, которые она может получить при условии, если будет работать на его благо и на благо государства.

Вывод

Наиболее важной и значимой задачей, стоящей перед современной философией права, является синхронизация его внутреннего духовного и интеллектуального пространств и «убегающего» незавершенного настоящего, которое фиксирует огром-

ное количество изменений в общественной жизни, в политике, экономике, культуре, образовании и в научно-философском познании.

Процесс легитимации права – это, в сущности, признание или подтверждение законности государственной власти, какого-либо социального института, статуса, полномочий, опирающихся на принятие в данном обществе ценности. Основой легитимации могут быть традиции и обычаи, конституционные нормы, демократические выборы, референдум или плебисцит. В свою очередь, утрата легитимности правовыми институтами порождает хаос и разрушение государственного устройства или многочисленных государственных устройств.

Список литературы

1. Брю Л. / Экономикс: Принципы, проблемы и политика [Текст]: пер. с англ.: В 2 т. Пер. с англ. / Р. Макконнелл, Л. Брю. – М.: Республика. – Т. 1. – 1992. – 399 с.
2. Економічний словник-довідник: За ред. Докт. екон. наук, проф. В.М. Штогрини. – К.: Феміна, 1995. – 368 с.
3. Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона. – М.: Политиздат, 1987. – 189 с.
4. Тур М.Г. Некласичні моделі легітимації соціальних інститутів: Монографія. – К.: ПАРАПАН, 2006. – 396 с.
5. Спіноза Б. Теологічно-політичний трактат / Пер. з лат. В. Литвинов; Вст. сл. В. Литвинова. – К.: Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2003. – 237 с.
6. Гегель Г. Основи філософії права, або Природне право і державознавство / Пер. з нім. Р. Осадчука та М. Кушніра. – К.: Юніверс, 2000. – 336 с.
7. Кельзен Г. Чисте Правознавство: 3 доп.: Проблема справедливості / Пер. з нім. О. Мокровольського. – Юніверс, 2004. – 496 с.
8. Тугендгат Е. Спір про права людини // Філософія прав людини / За ред. Ш. Госепата та Г. Ломанна; Пер. з нім. О. Юдіна та Л. Доронічевої. – 2-ге вид. – К.: Ніка-Центр, 1012. – 320 с.

С.П. Харченко

ФІЛОСОФСЬКО-ПРАВОВИЙ МІЖКУЛЬТУРНИЙ ДИСКУРС

У статті проводиться соціально-філософський аналіз специфіки філософсько-правового дискурсу в контексті міжкультурної взаємодії.

Ключові слова: мораль, право, міжкультурний правовий дискурс.

S. Kharchenko

PHILOSOPHICAL-LEGAL INTERCULTURAL DISCOURSE

The article contains the socio-philosophical analysis of the specifics of the philosophical and legal discourse in the context of intercultural interaction.

Keywords: morality, law, intercultural legal discourse.

УДК 1 (091)

Ю.В. Харченко

ПОЛІТИЧНА КОМУНІКАЦІЯ У НООСФЕРНОМУ ВИМІРІ

Кіровоградський державний педагогічний університет імені В. В. Винниченка

Анотація. В статті на основі соціально-філософського аналізу здійснюється концептуалізація політичної комунікації у ноосферному контексті.

Ключові слова: політична комунікація, глобалізаційні процеси, ноосфера.

Вступ

Глобалізаційні процеси, так чи інакше, сприяють утворенню нових комунікаційних каналів, змінюють цілісну комунікативну інфраструктуру політичного соціуму. Ю. Крістева у своїй книзі «Полілог» говорить про силу мови, що є ключовим інструментом комунікації. На її думку, реалізація мови як практики допускає зміни уявлень про політику [1, с. 11]. Полілог стає однією з центральних категорій сучасної

постнекласичної філософії, а також ключовою моделлю постсучасного політичного життя. У різних інтерпретаціях він представлений як комунікативний процес, який розгортається в просторі і в часі за наявності більше двох учасників комунікації.

У цьому випадку діалог поступається місцем полілогу, оскільки діалог локалізує, кристалізує подію. Діалог – це завжди наявність лише двох комунікаторів, тобто він представлений скоріше як пропорція,